ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1989

ТАРЛАНОВ З. К.

О ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОМ ИЗОМОРФИЗМЕ В ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Одна из главных задач, выдвигаемых и обсуждаемых в языкознании,— это, как известно, введение в научный обиход, систематизация и историко-теоретическое осмысление материалов различных языков в их движении или синхронной данности. При этом языковые факты квалифицируются с учетом их хронологической, культурно-исторической, социальной, этносоциальной, социально-территориальной, стилистической и т. д. отнесенности, а также с учетом принадлежности их тому или иному уровню языка. Продолжая и развивая достижения и теоретические установки языкознания XIX в., в котором — при всем его научном богатстве, оснащенности исследовательскими методами и приемами — в центре внимания чаще всего оказывался отдельный факт или ряд таких фактов, языкознание XX в., особенно в послевоенный период, заметно шагнуло вперед прежде всего в понимании языка как объекта изучения и в совершенствовании собственных эвристических процедур: системные представления о языке, ставшие неотъемлемой частью методологии науки, вошли в непосредственную исследовательскую практику. Однако реально выявление, описание и интерпретация системных отношений в языке в конечном счете сводились к выявлению, описанию и интерпретации системных связей и зависимостей внутри того или иного отдельного яруса языка — фонологического, морфемно-морфологического, синтаксического и т. д., и это вполне правомерно и естественно. Но этого недостаточно для того, чтобы судить о языке в целом как о феномене с системной организацией: необходимо учесть межъярусные отношения и взаимоотношения в процессе *языкового существования и развития, на что не раз обращалось внимание* [1, с. 136, 173; 2, с. 158—160]. Между тем именно этот аспект меньше всего привлекает к себе внимание исследователей, хотя, как учит опыт морфонологии и как будет нами показано, очевидно, что пренебрежение им лишает языкознание ключа к уяснению некоторых важных механизмов в эволюционной истории грамматического строя языков.

Цель настоящей статьи — привлечь внимание к особому явлению, которое можно назвать лексико-синтаксическим изоморфизмом, его месту и роли в истории грамматического строя типологически и генетически разных языков: славянских (русского) и кавказских (восточнолезгинских). Наблюдения основываются на фактах прежде всего современных языков, не нашедших, однако, должного освещения ни в описательно-систематизирующих грамматиках этих языков, ни в грамматиках исторических или историко-сравнительных.

В грамматике современного русского литературного языка отчетливо выделяется на общем фоне глагольно-именных конструкций ряд глагольных словосочетаний, которые разными исследователями квалифицируются по-разному. Речь идет о двухкомпонентных структурах типа *отойти от стола, добежать до дома, войти в театр.*

Касаясь управляемых второстепенных членов предложения в русском языке, А. М. Пешковский, в частности, отмечал, что «... в огромном большинстве случаев употребление того или иного предлога обусловливает употребление того или иного падежа..., но дело в том, что с а м-т о п р е д л о г зависит о т г л а г о л а, так что, например, глагол *въехать* требует непременно предлога *в*, глагол *отказаться* — предлога *от*, глагол *подойти* — предлога *под* или *к* и т. д.» [3]. Таким образом, Пешковский констатирует сам факт соответствия между приставкой глагола и предлогом в современном русском языке, хотя и не обозначает его специальным термином.

В Грамматике-60 подобные сочетания рассматриваются в разделе «Предложные глагольные словосочетания с именами существительными» с указанием выражаемых ими отношений [4].

Те же конструкции в Грамматике-70 даются в разделе «Глагольное управление. Сильное управление» [5, с. 491] с подзаголовком «Связь, при которой управляемая форма предопределена словообразовательной структурой управляющего слова» [5, с. 493], после чего следует перечисление их:

Р о д и т е л ь н ы й п а д е ж: *от- — от*: *оторваться*, *отъехать... от кого-чего-н.*; ... *с- — с*: *сбежать*, *слезть с чего-н.*; *до- — до*: *дойти*, ... *добраться ... до кого-чего-н.*; ... *из- — из*: *изливаться*, *изгрызаться из чего-н.* ... В и н и т е л ь н ы й п а д е ж: *в- — в*: ... *войти*, *въехать во что-н.*; ... *на- — на*: ... *наступить*, ... *наткнуться ... на кого-что-н.*; ... *за- — за*: *заступиться за кого-н.* ...; *под- — под*: *подлезать*, *подползти ... под кого-что-н.* Т в о р и т е л ь н ы й п а д е ж: *с- — с*: *соединиться*, *согласиться*, ... *смириться с кем-чем-н.*» [5, с. 493—494].

В принципе аналогичен подход к рассматриваемым конструкциям и в Русской грамматике, в которой обзор их предваряется следующим общим замечанием: «§ 1740. Сильное предложное управление глагола во многих случаях бывает предопределено его морфемным составом: вычленяемый префикс по звуковому облику и по значению (или только по значению) дублируется предлогом, и, таким образом, падежная форма с предлогом оказывается в непосредственной зависимости от морфемного состава глагольного слова, т. е. от наличия в нем того или другого префикса.... Наиболее характерное значение объекта при этой связи — это значение предмета отстранения, удаления или приближения» [6, с. 27]. Далее предлагается разбор корпуса сочетаний, в которых глагольному префиксу соответствует предопределенная им предложно-падежная форма: род. пад.: *от- — от* (*отойти от чего-нибудь*); *до- — до* (*доехать до чего-нибудь*); *из- — из* (*изрыгаться из чего-нибудь*); *с- — с* (*сойти*, *слезть с чего-нибудь*); дат. пад.: *по- — по* (*побежать по дороге*); вин. пад.: *в- — в* (*войти во что*); *на- — на* (*наступить*, *наскочить на кого-что-нибудь*); *за- — за* (*зайти за что-нибудь*); *под- — под* (*подлезть под что-нибудь*); *о* (*об*)*- — о* (*об*) *— облокотиться об что-нибудь*); творит. пад.; *с- с* (*соединиться*, *сжиться с кем-чем-нибудь*); *пред- — перед* (*предстать перед кем-нибудь*); *над- — над* (*надругаться над кем-чем-нибудь*) [8, с. 27—29].

С точки зрения охвата и направленной «подачи» интересующих нас конструкций Грамматика-70 и Русская грамматика оказываются полнее, т. к. в них 1) данные и аналогичные им конструкции характеризуются и классифицируются в связи с рассмотрением управления как типа синтаксической связи и его разновидностей, что делает научный анализ более предметным; 2) констатируется реально представленное в языке соответствие между словообразовательной структурой стержневого глагола

и предложно-падежной формой подчиненного компонента словосочетания; 3) в этом соответствии определяющей, обусловливающей стороной в синхронном аспекте признается словообразовательная структура глагола. При этом важное место отводится тому, что «вычленяемый префикс (глагола.— *Т. З.*) по звуковому облику и по значению ... дублируется предлогом» [6, с. 27]. Тем самым в соответствии с задачами и логикой описания глагольно-именных словосочетаний в современном русском литературном языке в конечном счете предпочтение отдается семантическим комментариям, и нет оснований с этим не соглашаться.

Однако приведенные и иные выдержанные в строго синхронном русле наблюдения и выводы не дают ответа на главные вопросы: что значит сам факт материального и содержательного дублирования глагольной приставки предлогом падежа, которым глагол управляет? Когда и чем оно было вызвано к жизни? Каким тенденциям это явление в истории русского языка подчинялось и можно ли считать его специфически русским? На последний вопрос сразу напрашивается ответ отрицательный: приставки глаголов в виде соответствующих предлогов воспроизводятся, как известно, во всех современных и древних славянских языках.

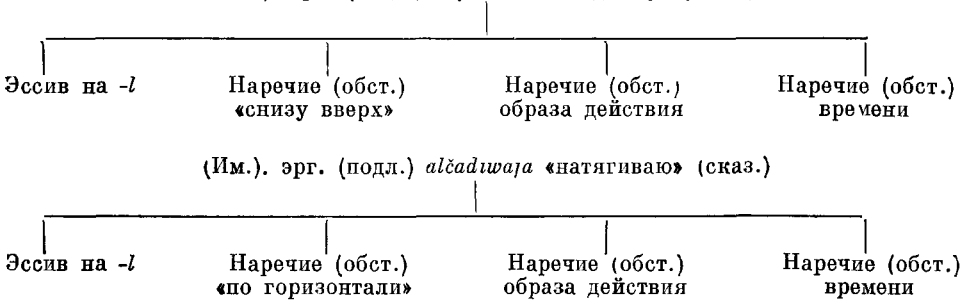
Что же касается остальных вопросов, то их либо не ставят, либо же касаются настолько редко и случайно, что по имеющимся разбросанным сведениям трудно составить какое-то целостное представление о сущности и эволюции явления, о котором идет речь. Так, имея в виду генезис глагольной приставки и совпадающего с ним предлога, ссылаются на существование их еще в доисторический период [7]; высказывались суждения о последовательности происхождения предлогов и приставок. Согласно, например, А. А. Потебне, последняя стадия формальности предлога обнаруживается в том, что он перестает существовать в качестве отдельного слова и «становится префиксом (реже суффиксом) падежа и префиксом глагола» [8, с. 123]. Характеризуя развитие аналитического строя и изменение функций предлогов в русском языке, В. В. Виноградов писал: «В русском литературном языке с XVII—XVIII вв. протекает медленный, но глубокий процесс синтаксических изменений в системе падежных отношений. Функции многих падежей осложняются и дифференцируются сочетаниями с предлогами. Так, с XVIII в. особенно широко распространяются предложные конструкции после глаголов *избежать*, *избавить*, *отстать*, *отпираться*, *отрекаться* и т. п. (родительный падеж с предлогом *от* вместо прежнего родительного беспредложного), например: „Когда весь свет отрекся от меня“...» [9]. Это замечание В. В. Виноградова нельзя понимать, однако, слишком прямолинейно, как отрицание возможности соответствующих предложных конструкций в языке до XVII в., ибо, во-первых, то, что В. В. Виноградов считает набирающим силу с XVIII в., было распространено уже в древнейший период русского языка; ср., например, родительный с предлогом *от* при глаголе *отрещи* в Ефремовской кормчей XI в.: ѿ бѣѹствьнааго писанига и оумъножение и лихва ѿреченыихъ ѥсть [цит. по 10, стлб. 308]; во-вторых, употребление предложных и беспредложных конструкций в древнерусском языке XI—XVII вв. обнаруживает отчетливую обусловленность характером выражаемых ими отношений: конкретно-пространственные и близкие к ним отношения реализуются предложными конструкциями, в то время как беспредложным чаще всего соответствуют отношения абстрактные. Как бы то ни было, случаи материального дублирования глагольной приставки предлогом определенного падежа хорошо известны уже в древнерусский период и поэтому не могут квалифицироваться как специфические черты

русского языка нового или новейшего времени. Вот еще несколько произвольно взятых примеров: *на-* — *на*: Се же имѣите во истину, ꙗко же сътвори нынѣ къ вамъ, написахомъ... на харътьи сеи и своими печатьми запечатахомъ [10, стлб. 308] (X в.); Да кленутсѧ ѡ всемь, ꙗже суть написана на харатьи сеи (там же) (X в.).

Таким образом, то, что в описательных грамматиках современного русского языка определяется как дублирование глагольных приставок предлогами (в чем в свою очередь усматривается один из способов выражения сильного управления), восходит к глубокой древности и, безусловно, не имело отношения к столь слабо развитому в тот период типу синтаксической связи, каким являлось управление, ибо для строя древней речи в силу ее паратаксичности была чужда иерархичность фразы языков новых: «И насколько отсутствие перспективы в живописи древнее ее присутствия, настолько ... паратаксические обороты по типу древнее таких, конечно, тоже восходящих в глубокую древность, но более согласных с нашей привычкой к объединению мыслей» ... [11]. Если это так (а другой столь же убедительной теорией мы не располагаем), то в тот отдаленный период, когда рассматриваемые конструкции зарождались, предлог при падежной форме не мог предопределяться глагольной приставкой, поскольку глагол еще не доминировал в предложении, следовательно, не мог управлять в современном смысле этого термина. Глагол и имя, употребляясь в речи, вступали между собой не в отношение субординации, управления, что является достоянием относительно поздней стадии в развитии грамматического строя языков, а в отношение координации, материальным выражением которой служил лексико-синтаксический изоморфизм. Сущность его сводилась к тому, что сочетавшиеся между собой глагол и имя реализовывали общее для них отношение лишь постольку, поскольку по отдельности включали в себя слово-формант, выступавший носителем этого отношения. Это слово-формант условно можно назвать изоморфом (изоформантом), оно на первых порах не было ни приставкой, ни предлогом, представляя собой синкретичную, глагольно-именную принадлежность. Так как исконные, первоначальные отношения, выражавшиеся изоформантами, были отношения пространственные, то ясно, сколь велика была роль параллельного повтора в языковой реализации этих отношений. Например, для обозначения «направления от крайней, ближайшей к говорящему, точки предмета, без оттенков поверхности, внутренности, выражаемых предлогами *с*, *из*», «пребывания на расстоянии, считаемом от известного (другого) предмета» [12, с. 252] употреблялся изоформант *отъ*: *Отъбѣжати отъ стѣны*. По мере развития грамматического строя языка, роста поляризации между глаголом и именем синтаксис перестает нуждаться в опоре на лексику и лексико-синтаксический изоморфизм уходит в прошлое, а изоформанты трансформируются в форманты глагола и имени, с этого времени обрастаемые большим количеством вторичных, в том числе и обобщенных, значений (см., например [12, с. 252—285]). В сложившемся в результате этого соответствии между предложно-падежной формой имени, с одной стороны, и морфемной структурой глагола, с другой, прослеживается, в частности, одна из линий «точной связи между падежами и прочими морфологическими категориями... языка» [13].

В принципе тот же изоморфизм, но только гораздо более последовательно сохранившийся, обнаруживается, например, и в кавказских язы-

ках, в частности, в восточнолезгинских — в сфере локативных падежей и глаголов с пространственными превербами [14]. В этих языках глагол оказывается выдвинутым в центр предложения с вершинообразующей функцией именно в силу его изоморфной соотнесенности с именем. Это особенно наглядно видно на примере глаголов движения, перемещения и других смежных с ними групп. Семантика глагола, реализуемая составом его морфем, уже содержит в себе информацию о падежных формах, с которыми глагол сочетается, и в целом о его формальной структуре. Так, аффикс, начинающий основу глагола, указывает на направленность действия в пространстве, является изоморфным форманту соответствующего локативного падежа; следующий аффикс, тоже передавая пространственную семантику, конкретизирует ее с точки зрения направленности действия по вертикальной или горизонтальной оси, ср.: *alγadiwas* «поднять» при *alčadiwas* «натянуть». Кстати, нередко корень тоже содержит достаточно ясный намек на характер перемещения действия (это — наиболее обобщенный и постоянный элемент лексического значения) [15], с суффиксами же временных форм связывается синтагматика обстоятельственных слов, ср.:



Порядок синтагматического расположения глагольных приставок и падежных аффиксов, служащих для выражения пространственных отношений, один и тот же: поскольку каждым аффиксом реализуется, как правило, одно значение, то в последовательности аффиксов передается последовательность и актуальность соответствующих смыслов, ср., например, значения превербов *al-*, *-a-* в глаголе *aladiwas* «снять», а также соотносительных с ними падежных формантов *-al(-il)*, *-as* в существительном *gunṭalas* «с горки» в словосочетании *gunṭalas aladiwas* «с горки снять». Как видно из примеров, наиболее отчетливой способностью предварять структуру предложения обладают производные многоморфемные глаголы. Что же касается непроизводных или производных маломорфемных глаголов, то они довольно индифферентны по отношению к структуре предложения: они характеризуются свободной лексико-синтаксической валентностью, ср.: *aḳas* «делать», *lixas* «работать», *učas* «мыть, стирать», *liḳes* «писать», *xuras* «учить, учиться», *γurγas* «говорить, разговаривать» и т. д. В подобных случаях глагол не указывает на направления развертывания предложения, ибо он может свободно сочетаться со многими словами как предметной, так и обстоятельственной семантики.

В восточнолезгинских языках представлена типологически более ранняя, чем в славянских языках, стадия лексико-синтаксического изоморфизма, когда имя и глагол последовательно симметрично участвуют в выражении локативных отношений (таковы агульский и табасаранский языки). Однако и здесь налицо нарушение симметрии между ними, благодаря

чему активизируется процесс утраты локативных падежей, с одной стороны, превербов локативной семантики — с другой (это отчетливо прослеживается на материале собственно лезгинского языка). Результатом названного процесса и в данных языках оказывается исторически наметившаяся с древнейших времен и соответствующая развитию мысли поляризация имени и глагола.

Таким образом, непредвзятый взгляд на приведенные выше факты, при всем том, что они принадлежат генетически и типологически разным языкам, убеждает в принципиальном тождестве процесса, который их породил. Возникая в разных группах языков на разных исторических этапах, лексико-синтаксический изоморфизм представлял собой необходимую ступень на пути превращения вещественных или полувещественных словкорней в соответствующие глагольные и именные форманты: первоначально воплощая одну и ту же, общую для еще не противопоставленных друг другу глагола и имени семантическую доминанту, изоформанты, преобразуясь в глагольные приставки, предлоги или окончания локативных падежей, умножали грамматические средства языков, тем самым способствуя разделению зон глагола и имени. Ярким свидетельством изначальной вещественности изоформантов служит сохранившаяся до наших дней и хорошо известная омонимия глагольных приставок, предлогов, послелогов и окончаний локативных падежей, с одной стороны, наречий, имен существительных — с другой. Ср. совр. русск. *под-ложить под печь* и *под* «дно, низ», а также соответствующие форманты и существительные в других славянских языках: укр. *під* «нижняя часть стога сена», белорусск. *под* «нижняя часть; подножие горы», др.-русск., ср.-болг. *подъ* «основание», болг. *под* «пол» и т. д. [16]; приставка *перед-* (*пред-*), предлог *перед* (*пред*) и *перед* (*передок*); агульск. формант аблативов *-as* (*-es*, *-us*) и существительное *us* «место, основа, гора». Количество подобных примеров, представляющих собой рудименты, осколки некогда живого лексико-синтаксического изоморфизма, нетрудно увеличить. Характеризуя именно такие случаи, А. А. Потебня писал: «В пути от знаменательности наречия к формальности предлога не бывает скачков и перерывов. Высшая степень формальности предлога обнаруживается в том, что он перестает чувствоваться как отдельное слово и становится префиксом (реже суффиксом) падежа и префиксом глагола. Но сначала и ставясь перед глаголом, наречие-предлог рассматривается как самостоятельное слово и может отделяться от глагола другими словами» [8, с. 123—124]. По-видимому, А. А. Потебня все же неправ, когда глагольные приставки объявляет хронологически вторичными по отношению к предлогам и производными от них. Во-первых, едва ли можно считать убедительным тезис, в соответствии с которым приставки менее самостоятельны семантически, чем предлоги. Во-вторых, если бы генетически приставки глагола представляли собой достигшие «высшей степени формальности» предлоги, тогда бы не было фактической базы для установления соответствий между глаголами с определенными приставками и симметричными им предлогами. Коль скоро соответствия между ними складывались, они не могли быть «пустыми», абсолютно формальными, ибо, как справедливо заметил еще Фр. Бопп, «...языковой организм соединяет значимое со значимым» [17, с. 35]. Соответствия, симметрия порождались одним и тем же словом-корнем, только повторенным в рамках высказывания дважды: в глагольной основе и в именной основе. Повторялся именно изоформант. Расщепляясь, он давал приставку — в составе глагола и предлог или окончание падежа — в составе имени, тем самым создавая материально и семантически совпадающие морфемы,

призванные обслуживать потребности слов разных лексико-грамматических классов. Как лексико-синтаксический изоморфизм, так и последующее развитие на его основе омонимичных глагольных приставок, предлогов, а также формантов локативных падежей и т. д. находились в полном согласии с древнейшим состоянием грамматического строя языков, когда имена и глаголы не были еще резко противопоставлены и «вырастали совместно, как побеги единого ствола» [17, с. 33].

Предлагаемая здесь гипотеза, охватывая всю совокупность изоморфно связанных фактов именной и глагольной морфологии соответствующих языков, не только дает целостное представление о характере и типологической направленности процесса становления и эволюции грамматических форм, но и несет вполне определенную объяснительную нагрузку, подтверждаемую всей обозримой историей языка. В самом деле, если, например, пространственные отношения в языке с древнейших времен выражаются синхронно соотносительными между собой именными и глагольными лексемами, то почему исследовательская задача должна сводиться к поиску ответа на вопрос, какая из этих двух групп лексем раньше стала реализовывать эти отношения. Не логичнее ли предположить, что материально одинаковые компоненты именных и глагольных лексем при всей их полярности в современных языках были порождены одним и тем же фронтально действовавшим процессом? В таком случае история языка предстанет перед нами не как набор изолированных деталей, а как процесс, подчиненный определенным тенденциям, что не всегда учитывается в достаточной мере. Так, например, в работе В. Н. Топорова «Локатив в славянских языках» [18], выполненной на богатом и обширном материале, содержащей много тонких семантических квалификаций рассматриваемых в ней локативных форм, остается незатронутым вопрос о направлениях взаимодействий между структурой падежной формы, с одной стороны, и структурой сочетающейся с ней глагольной лексемы — с другой. Сами линии развития морфологии падежа, падежного синтаксиса в славянских языках, последовательности появления тех или иных значений трудно улавливаются, поскольку анализ оказывается скорее дробным, чем обобщающе-систематизирующим.

Направления и зоны действия лексико-синтаксического изоморфизма не ограничивались только теми областями, которые были связаны с формированием глагольных приставок, формантов падежей имени. Они охватывали и процесс складывания личного спряжения глагола (в этом случае в отношении изоморфизма оказывались личные местоимения и глаголы), и историю безличных предложений и т. д. Таким образом, знаменитая теория агглютинации Фр. Боппа, объясняющая генезис личного спряжения в и.-е. языках, представляет собой, в сущности, результат наблюдения над частным проявлением того же закона лексико-синтаксического изоморфизма. Нельзя, кстати, не заметить в этой связи, что принципиальное положение, сформулированное Фр. Боппом применительно к и.-е. языкам, полностью подтверждается данными агглютинативных восточнолезгинских языков, в которых становление личных форм глагола происходит чуть ли не на наших глазах (ср., например, табасаранский язык, кошанский диалект агульского языка и др.).

Подытоживая сказанное, можно сделать ряд выводов, не лишенных, как представляется, некоторого историко-теоретического интереса:

1. Из того факта, что в качестве предмета для наблюдения привлекаются данные славянских и дагестанских языков, ни в коем случае не следует, что между этими языками в какой бы то ни было форме усматрива-

ется структурный изоморфизм. Речь идет лишь о том, что в обоих типах языков при всех различиях в их исторических судьбах и структуре обнаруживаются пережиточные с точки зрения их внутренней истории, но достаточно целостно и серийно представленные рефлексы морфологических систем, порожденных принципиально идентичными процессами, отражающими типологические закономерности в истории языков, «призванные обслуживать прогрессирующее мышление» [2, с. 147]. При реконструировании соответствующих процессов и установлении их идентичности полностью исключается противоречащая методологии сравнительно-исторических, сравнительно-типологических исследований и эвристически не оправданная экстраполяция. Анализ показывает, что типологически разные языки, развивая функционально аналогичные явления, переживают одни и те же по их смыслу процессы, создавая сходные «элементы традиции» в употреблении языка [19].

2. Становление и совершенствование грамматического строя языков, развитие которого есть, как это показано опытом сравнительно-исторического языкознания, движение от простого к сложному, от конкретного к абстрактному, от функциональной простоты к функциональному усложнению, обусловливаются кардинально различными законами в разные периоды их истории. Для древнейших этапов чрезвычайно важна была роль лексико-синтаксического изоморфизма как необходимой ступени, призванной переориентировать лексические средства (слова с вещественными значениями) на выполнение грамматических функций, ибо, как убеждает опыт языкознания, лексическое первично по отношению к грамматическому [2, с. 165]. Первоначально такие слова совмещали свои исконные вещественные значения с выполнением той или иной грамматической функции, которая реализовывалась лишь в силу соответствующего синтаксического употребления. При этом синтаксическое употребление предполагало повторение одного и того же слова-корня согласно тому, как была представлена субъектно-предикатная, предикатно-объектная, предикатно-обстоятельственная и т. д. структура высказывания (предложения), которое (слово) синтаксически повторялось, дублировалось для выполнения определенной грамматической роли (изоформант) и в конце концов трансформировалось в глагольно-именные форманты (приставки, суффиксы, предлоги, послелоги, окончания локативов и т. д.). Хронологически лексико-синтаксический изоморфизм как живой грамматический процесс соответствует тому периоду, когда синтаксис был, согласно А. А. Потебне, исключительно паратаксическим, а глагол и имя во многом продолжали подчиняться одним и тем же процессам. Он сыграл активную и конструктивную роль в истории флективных и агглютинативных языков.

3. Попытки осмыслить изменения, которые происходили в грамматической структуре языков, с целью сформулирования общих закономерностей тем более актуальны, что в многочисленных исторических и сравнительно-исторических исследованиях, охватывающих главным образом фонетико-фонологический и лексико-семантический уровни языка, морфология и синтаксис не так уж часто попадают в поле зрения исследователей (см., например [20]). Это делает полезным всякое обращение к проблемам исторической морфологии и исторического синтаксиса на любом доступном материале самых разных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якобсон Р.* К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // *Якобсон. Р.* Избр. работы. М., 1985. С. 136, 173.
2. *Климов Г. А.* Принципы контенсивной типологии. М., 1983.

3. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. С. 285.
4. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 1. М., 1960. С. 138—210.
5. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
6. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.
7. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 457.
8. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. 2-е Изд. Харьков, 1888. С. 123.
9. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.— Л., 1947. С. 695—696.
10. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. Вып. 1. СПб., 1895.
11. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968. С. 163.
12. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.—Л., 1941.
13. *Якобсон Р.* Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм): Доклад на IV Международном съезде славистов (Москва, 1958) // *Якобсон Р.* Избр. работы. 1985. С. 195.
14. *Тарланов З. К.* К вопросу об изоморфизме глагольно-именных формантов в дагестанских языках // ВЯ. 1980. № 3.
15. *Тарланов З. К.* Язык и культура. Петрозаводск, 1984. С. 54—58.
16. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 295.
17. *Бопп Фр.* Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1960.
18. *Топоров В. Н.* Локатив в славянских языках. М., 1961.
19. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 246.
20. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. М., 1981.